

М. А. САЛМИНА

Повесть о нашествии Тохтамыша

Судьба летописных рассказов, связанных с именем Дмитрия Донского, весьма примечательна. Как показало исследование двух памятников этого цикла произведений — «Летописной повести» о Куликовской битве, посвященной событию 1380 г., и «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», повествующего о жизни этого князя, оба они сходны по своему происхождению.¹

Текстологическое исследование этих памятников привело к заключению, что пространные их версии, т. е. собственно повести, сложились на основе кратких рассказов или записей более раннего времени, дошедших до нас в своде 1408 г., а старшие тексты их пространных версий дошли в составе Новгородской 4 и Софийской 1 летописей, восходивших к своду 1448 г. Все остальные известные нам версии обоих памятников, читающиеся в сводах, восходящих к Новгородской 4 и Софийской 1 летописям, являются их переработками. Основным доказательством правильности этой точки зрения явилось наличие вторичных чтений в пространных версиях обоих произведений по сравнению с краткими их рассказами свода 1408 г. Так, для «Летописной повести» вторичность чтений в ее пространной версии выразилась в наличии противоречия между фрагментами, связанными с именем князя Олега Рязанского, а также в упоминании в числе убитых князей имени князя, погибшего, по летописным сведениям, много позже описываемых событий.² Доказательством более позднего происхождения пространной версии «Слова о житии» явилось использование в нем тенденциозно переделанного завещания Дмитрия Донского с целью убедить современников, что московский великокняжеский стол должен передаваться по прямой линии наследования.

Как удалось установить, «Летописная повесть» о Куликовской битве по своим тенденциям оказалась связанной с концом 40-х гг. XV в., со временем, когда на Руси в обстановке непрерывных битв с Ордой между потомками Дмитрия Донского — Василием II и Дмитрием Шемякой шла напряженная борьба за великокняжеский стол. В это же время, по всем данным, было составлено и «Слово о житии».³

Третьим произведением этого цикла может считаться Повесть о нашествии Тохтамыша. Обратимся к судьбе этого памятника.

¹ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 344—376; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 3—39; 3) «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 81—104.

² М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве..., с. 359, 360, 371, 372; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве, с. 4.

³ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве..., с. 374—376; 2) «Слово о житии...», с. 98—104.

Повесть о нашествии Тохтамыша, или, как ее называют старшие тексты, повесть «О пленении и о приходе Тахтамыша царя и о Московском взятии», посвященная описанию нашествия хана Золотой Орды Тохтамыша в 1382 г. на Москву, дошла до нас в составе летописных сводов. Исследователи, обращавшиеся к повести, обычно или только констатировали наличие различных ее версий, или принимали ту или иную версию за наиболее верную (первоначальную). Так, С. К. Шамбинаго отмечал, что одну версию представляют летописи, отразившие свод митрополита Киприана, другую — «Владимирский Полихрон, стиривший литовские симпатии Киприана».⁴

М. Н. Тихомиров полагал, что «наиболее близки по времени возникновения к событию 1382 года два сказания» — одно, сохраненное Симеоновской летописью и Рогожским летописцем, возникло «еще при жизни Дмитрия Донского» и написано «каким-либо монахом», другое, составленное в 1382—1385 гг. светским лицом, отражено в Ермолинской летописи. Оба сказания, видимо, использовали «какие-то записи о событиях 1382 г.»⁵ В начале XV в. был создан более обширный вариант повести, вошедший в состав Типографской летописи и в несколько «осложненном» виде — в состав Московского свода конца XV в. и Воскресенской летописи. Он представлял собой сводный текст обеих, по мнению М. Н. Тихомирова, ранних повестей, из которого были изъяты «кое-какие подробности» и одновременно сделаны «некоторые дополнения фактического и словесного характера».⁶ «Соединение двух, а может быть, и большего количества первоначальных повестей привело к созданию особой сводной повести», вошедшей в состав Никоновской летописи.⁷ К варианту «раннего происхождения», созданного в конце XIV в., М. Н. Тихомиров относит и текст повести, входящий в состав краткого летописца XVII в.⁸

В работе Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» отмечается наличие двух версий повести: «...старой, заключенной в Симеоновской летописи, и новой, имеющей несколько вариантов (Новгородская четвертая летопись, Ермолинская летопись, продолжение Софийской первой летописи и Никоновская летопись)».⁹

Л. В. Черепнин склонялся считать первоначальным вариант повести, сохраненный Ермолинской летописью: «По-видимому, — писал он, — наиболее близкое к истине изложение событий дает Ермолинская летопись».

⁴ С. К. Шамбинаго. Исторические повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 206.

⁵ М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва. М., 1947, с. 192—193; 2) Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 247—249.

⁶ М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва, с. 194—195; 2) Средневековая Москва в XIV—XV веках, с. 250—251. Точка зрения М. Н. Тихомирова на историю возникновения Повести о нашествии Тохтамыша получила поддержку в книге «Русские повести XV—XVI веков». Н. И. Тотубалин, издавший здесь тексты повести по Ермолинской и Софийской 1 летописям, пишет, что «основа» наиболее известной повести, вошедшей «в разных вариантах в состав многих летописей (Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской)», «возникла, по-видимому, около 1418 года, в связи с составлением московского летописного свода» и «представляет собою расширенный и дополненный свод двух более ранних повестей», дошедших в составе Симеоновской летописи (и Рогожского летописца) и Ермолинской летописи (Н. И. Тотубалин. Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша. — В кн.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, с. 366—375).

⁷ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — ИА, т. VII. М., 1951, с. 211.

⁸ Там же, с. 211—212; текст повести опубликован на с. 213—217.

⁹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 324.

Версия Симеоновской летописи и Рогожского летописца является, считает Л. В. Черепнин, сокращением первоначальной редакции. В летописях Типографской, Новгородской 4, Воскресенской «рассказ Ермолинской летописи получил дальнейшую литературную обработку».¹⁰

И. Б. Греков отмечает три редакции повести: краткую (Троицкая, Симеоновская, Рогожская летописи), более обширную (Ермолинская летопись) и пространную редакцию (Новгородская 4, Типографская, Воскресенская, Никоновская летописи). Изложение событий в Новгородской 4 и Ермолинской летописях представляется И. Б. Грекову «более исторически достоверным», чем рассказ Симеоновской, Троицкой и Рогожской летописей. Те же версии повести представляются первоначальными и В. А. Плугину.¹¹

Итак, на основании приведенных работ можно заметить, что среди тех ученых, которые не просто констатировали наличие разных версий, но и ставили вопрос о первоначальной версии, нет единого мнения. Одни исследователи склонны видеть старейший текст памятника в Симеоновской летописи, другие — в Ермолинской, третьи — в Симеоновской и Ермолинской одновременно. Налицо и еще одна точка зрения — что старейший текст повести отражают Новгородская 4 и Ермолинская летописи. Такое расхождение во взглядах на первоначальный текст повести объясним тем, что текстологический анализ ее с учетом взаимоотношений содержащих ее летописных сводов проделан не был.

Впервые к рассмотрению вариантов Повести о нашествии Тохтамыша в текстологическом плане обратился Д. С. Лихачев. В статье «Литературная судьба „Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV века“» Д. С. Лихачев рассматривает как древнейший вариант Повести о нашествии Тохтамыша текст, читающийся в Симеоновской летописи и Рогожском летописце, и как вторичный — ее текст в Новгородской 4 и Софийской 1 летописях, исходя из представления о взаимоотношении летописных сводов и основываясь на собственном текстологическом сличении, которое, однако, в указанной статье, посвященной в сущности другому памятнику, приводится в очень кратком изложении.¹² Эта точка зрения была впоследствии поддержана Я. С. Лурье в его анализе сюжетного повествования Повести о нашествии Тохтамыша в главе об историческом повествовании XIV—XV вв. книги «Истоки русской беллетристики».¹³

Взгляд на происхождение пространного вида Повести о Тохтамыше от краткого рассказа о нашествии Тохтамыша, читающегося в Симеоновской летописи, представляется нам единственно правильным. К этому заключению нас привел текстологический анализ различных версий Повести о Тохтамыше, произведенный в тесной связи с историей заключающих ее в себе летописных сводов.

Наиболее близким по времени к интересующему нас событию 1382 г. является рассказ об этом событии в своде 1408 г. (Троицкая летопись),

¹⁰ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 633, 637.

¹¹ И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 157; В. А. Плугин. Нерешенные вопросы русского летописания XIV—XV веков. — История СССР, 1978, № 4, с. 85.

¹² В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 9—16. Вопрос о взаимоотношении Повести о нашествии Тохтамыша и Повести о разорении Рязани Батыем в данной статье мы не рассматриваем.

¹³ Я. С. Лурье. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 266—269.

идентичный рассказу 1382 г. Симеоновской летописи: А. А. Шахматов установил, что содержание Симеоновской летописи за 1177—1390 гг. тождественно Троицкой.¹⁴ Аналогичный текст под 6890 г. (с незначительными отличиями в отдельных словах) содержится и в восходящем к Симеоновской летописи Рогожском летописце.¹⁵

Краткий рассказ о событиях 1382 г. оказался связанным с включавшим его в себя сводом 1408 г.: как это было в случае и с «Летописной повестью» о Куликовской битве, и со «Словом о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», в нем так же прослеживается близость с другими рассказами этого свода. Так, например: «Царь... поиде к Москве, напрасно устремися..., а в городе Москве... затворился князь Остей... Царь же, стоя у города 3 дни...» (1382 г.) — «Олгерд... напрасно устремися к Москве... Князь же великий... затворися в граде... Олгерд же стоял около города три дни и три ночи» (1368 г.);¹⁶ «Татарове же волости повоеваша..., а села пожгоша, ... а христиан посече, а иных в полон поведе, а много зла сътвориша» (1382 г.) — «Олгерд... волости повоева и села... огнем пожже, много христиан посече, а иных в полон поведе..., а много зла сътворивше христианом» (1368 г.);¹⁷ «Князь же великий Дмитрий Иванович... не ста на бой, ни противу его поднял руки, противу царя Тохтамыша, но поеха в свой град» (1382 г.) — «Князь Трубьческий, Дмитрей Олгердович не стал на бой, ни поднял руки противу великаго князя..., но ... приеха на Москву-град...» (1379 г.).¹⁸ Важно отметить, что эта близость в чтениях распространяется на целые обороты, а не только на отдельные выражения. Приведенные примеры дают основание полагать, что краткий рассказ 1382 г. был создан внутри свода 1408 г., а не привнесен в свод извне.

В ближайшем по времени к своду 1408 г. — в своде 1448 г., восстанавливаемом на основе Новгородской 4, близкой к ней Новгородско-Карамзинской летописи и Софийской 1 летописей,¹⁹ находится уже пространная Повесть о нашествии Тохтамыша. Н4Л и С1Л содержат старейшие тексты пространной Повести о Тохтамыше. Тексты повести, читающиеся в сводах, восходящих к Н4Л и С1Л, являются уже переработками этих последних. Кратко охарактеризуем их.

Н4Л и С1Л содержат полный текст пространной повести.²⁰ В восходящих к Н4Л сводах полный вид пространной повести представлен

¹⁴ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, т. V, 1900, с. 553.

¹⁵ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 312. Издание Рогожского летописца см.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1. М., 1965, стб. 143—146. Здесь указаны и разночтения с Симеоновской летописью.

¹⁶ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 132, 108.

¹⁷ Там же, с. 133, 109.

¹⁸ Там же, с. 132, 129.

¹⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Л., 1925 (далее: Н4Л); Новгородско-Карамзинская летопись (ГПБ, F.IV.603) не издана. О ней см.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 81 и след.; ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853 (далее: С1Л). О своде 1448 г. см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 151—160, 184, 212, 366; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 67 и след.

²⁰ Вместе с тем тексты повести Н4Л и С1Л несколько разнятся в отдельных чтениях. Текст повести Н4Л полнее и можно думать, что именно этот вариант повести находился в своде 1448 г., к которому восходили С1Л и Н4Л. В повести С1Л в отличие от Н4Л «плач церкви» отсутствует, однако несколько фраз из этого плача в ней читается — «несть ни звонения в колоколы», «не бе слышати в церкви поющего гласа, ни словословия». Видимо, С1Л сокращала текст повести, находящейся в Н4Л, так как наряду с последней приведенной фразой Н4Л в С1Л в этом же фрагменте читается фраза, еще раз передающая ту же самую мысль, —

лишь в Новгородском своде XVI в. — списке Дубровского.²¹ Текст повести в Н5Л уже несколько сокращен;²² ряд сокращений содержится и в повести Летописи Авраамки.²³ В близких к Летописи Авраамки летописных текстах — Толстовском I, № 189 (ГПБ, Ф. IV. 156), Синодальном № 154 (Кирилло-Белозерском) и Супрасльском²⁴ значительная часть повести отсутствует: она заканчивается словами «храмины их наполнены всякого добра». Но и в конечной для этих списков части ряд фраз Н4Л опущен. Летописи XVI в. — Новгородско-Псковская²⁵ и Новгородская²⁶ содержат лишь краткие записи о приходе Тохтамыша к Москве и взятии им города.

Более близок к Н4Л, чем к С1Л, текст Повести о нашествии Тохтамыша Комиссионного списка Н1Л, по предположению исследователей восходящего к общему протографу Н4 и С1 — к своду 1448 г.²⁷ Текст его очень краток. В нем сообщается лишь о приходе Тохтамыша «на землю Рускую», называются города, которые он «пожже», и даются сведения, где находился во время пришествия татарского «цесаря» великий князь с семьей (в Костроме), Владимир Андреевич (на Волоке), мать и жена Владимира (в Торжке), коломенский епископ Герасим (в Новгороде). Рассказ сообщает, что митрополит во время нашествия Тохтамыша находился в Твери. Повесть в Комиссионном списке заканчивается отрывком, имеющимся в отличие от С1Л только в Н4Л, в котором автор сетует по поводу «смущения Руской земли»: «И кто нас, братьев, о сем не устроится...». В летописях XVI в., восходящих к С1Л, — списке Царского С1Л,²⁸ Софийской 2, Воскресенской летописях²⁹ и в новгородских летописных сводах XVII в. — Новгородской Уваровской, пространной редакции Новгородской 3, Новгородской Забелинской летописях³⁰ сохранился полный текст Повести о нашествии Тохтамыша.

«нестъ видети в них (церквах, — М. С.) пения». Это могло произойти именно при переделке первоначального текста.

²¹ ГПБ, Ф. IV. 238. Аналогичный текст читается и в списке ГПБ, Ф. IV. 188 (см.: С. Н. Азбелев. Две редакции Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, с. 220). В тексте повести списка Дубровского прослеживаются чтения и С1Л (в основе первой редакции летописи Дубровского лежал летописный свод, восходивший к тексту младшей редакции С1Л. — Там же, с. 221—225).

²² См.: ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848. Хронографический список Н5Л (ГИМ, собр. Синод., библ. № 280) издан здесь в вариантах.

²³ См.: ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889. См. также: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 252.

²⁴ См.: Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836. См. также: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 465—467.

²⁵ В Псковской 1 и 2; см.: Псковские летописи, вып. I. Подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941; вып. II. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. В Псковской 3 запись о приходе Тохтамыша к Москве вообще отсутствует.

²⁶ См.: ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, под 6890 г.: «Прииде царь Тартамышъ (так!) на князя Дмитрия Ивановича и град Москву взял и много зла створи».

²⁷ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 163, 170—171; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 93.

²⁸ ПСРЛ, т. VI. Список Царского, как считает А. А. Шахматов, одним из своих источников имел С1Л младшей редакции (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 216, 370).

²⁹ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859. Повесть о нашествии Тохтамыша Воскресенской летописи в некоторых чтениях повторяет чтения списка Царского. По мнению А. А. Шахматова, список Царского был одним из источников Воскресенской летописи (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 370. С. А. Левица. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — В кн.: Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 10. М., 1957, с. 403).

³⁰ В основе Новгородской Уваровской летописи (ГПБ, собр. Погодина, № 1403) лежит Софийская 1 младшей редакции (С. Н. Азбелев. Новгородские летописи

С1Л оказала влияние на ряд больших сводов второй половины XV в., в том числе на великокняжеский свод начала 70-х гг. XV в., отразившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях. В Никаноровской летописи читается несколько сокращенный вид повести. Автор пользовался текстом старшей редакции С1Л.³¹ Он подверг сокращению всевозможного рода подробные перечисления и длинноты в рассуждениях. Так, он опустил фразы «но на вся огрозишася», «также и архи-мандриты и игумены и попове со кресты», «украшены златом и серебром... безвестно сътворisha», «и велехвальное богатство... расхитиша», «и святая места оскверниша... зверем земным», «девица их... оружием падоша», «и черноризцы и черници... и женьска», «а друзии огнем стогреша... пленени быша», «и стонание много... христианом». Этот же вид повести содержит в себе Вологодско-Пермская летопись XVI в.³²

Сокращенный вид Повести о нашествии Тохтамыша представлен и в своде 1479 г.³³ В нем отсутствует вступление — описание «знамения на небеси»; рассказ начинается со слов «Исходящу второму лету царства Тахтамышева...». Сокращен фрагмент, где описываются настроения горожан, оставшихся после ухода из Москвы великого князя, а также фрагмент, рисующий с отрицательной стороны князя Олега Рязанского (второе упоминание об Олеге Рязанском вообще отсутствует). Опушен отрывок С1Л «якоже пророк глаголаше... мертвых лежаще непокровены». Иногда составитель свода 1479 г., сокращая текст повести, перефразировал некоторые его места, добавляя при этом новые выражения:

XVII века. Новгород, 1960, с. 14). См. издание по списку БАН. 34.4.1: Российская летопись по списку Софейскому великого Новаграда, ч. I, СПб., 1795. Новгородская 3 пространной редакции и Новгородская Забелинская, имеющая ее в основе (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века, с. 71), содержат идентичный текст. В краткой редакции Новгородской 3 содержится лишь следующая запись: «В лето 6890 плени рускую землю царь Тактамыш и царствующий град Москву лестию взя со двема князи суздальскими и нижегородскими» (ГПБ, F.IV.623). Летопись Новгородская Погодинская пространной редакции дает сокращенный текст пространной повести (см., например, список ГПБ, собр. Погодина, № 1411). Согласно исследованию С. Н. Азбелева, Новгородская Погодинская летопись восходит к Новгородской Забелинской летописи (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века, с. 77—78). Но Повесть о нашествии Тохтамыша в ней содержит чтения, сближающие ее с версией Н4Л, а не С1Л. Прослеживаются в ней чтения также Хронографа 1512 г. Повесть о нашествии Тохтамыша в сокращенной редакции Новгородской Погодинской летописи восходит к повести в пространной редакции этой летописи. В краткой редакции летописи Повесть о нашествии Тохтамыша отсутствует.

³¹ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962. Основу Никаноровской летописи (свод 1472 г.) составляет сокращенная старшая редакция С1Л (до 1418 г.). См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 354—357.

³² ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959; А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 372. См. также: М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. III. М.—Л., 1940, с. 231, 240, 243. По мнению Б. М. Клосса, первичной была Вологодско-Пермская, а вторичной Никаноровская летопись (см.: Б. М. Клосс, Я. С. Лурье. Русские летописи XI—XV вв. (Материалы для описания). — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. I. М., 1976, с. 78—139). См. также: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 134.

³³ См.: А. А. Шахматов. Обзорение летописных сводов XIV—XVI вв., с. 264—266. Источник свода 1479 г. («свод Феодосия—Филиппа») — по А. Н. Насонову, «особая обработка свода 1448 г.» — по Я. С. Лурье) частично сокращал, а частично перерабатывал свой основной источник — свод 1448 г. (см.: А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 264—273, 293—294; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 156—161). Текст Повести о нашествии Тохтамыша приводится по списку ГИМ, собр. Уварова, № 1366 (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949), представляющему более позднюю редакцию свода 1479 г., так как список первоначальной редакции свода — ГПБ, собр. Эрмитажное, № 416^б содержит искаженные чтения.

так, например, фраза СЛ «...езде же крик и вопль велик и страшен бываше, и яко не слышати друг друга вопиюща, множество народу кричащю, они же крестиян изводяще, лупяще, избобаживше сечаху...» в своде 1479 г. читаются так: «Везде же вопль велик и крик страшен бываше, изводяще бо вся отсюду христьяны и одирающе до последние наготы и тако мечю предаху». Но иногда составитель свода 1479 г. пополнял текст повести новыми словами и выражениями. Так, вместо фразы СЛ «...и всякого узорочия, и в том чаше изменися, егда взят бысть и пожжен: не видети иного ничесоже...» в своде 1479 г. читаем: «...кыпя же богатствомъ и славою, превзыдый же вся грады и Русстей земли чешью мноую, в нем бо князи и святителие живяста, по ошествию же мира сего полагахуся в нем. В се же время изменися доброта его и отгыде слава его и уничижение прииде на нь, и не бе в нем ничто же благо видети...»; вместо СЛ: «...начаша думати такову думу великий князь Дмитрей Иванович со всеми князи русьскими» в своде 1479 г.: «И начат со братьею своею и со всеми князи русскими о том думати». В повести свода 1479 г. имеются перестановки отдельных фраз.

В восходящей к своду 1479 г. Типографской летописи³⁴ представлен тот же самый сокращенный вариант повести. Отличия между повестью свода 1479 г. и повестью Типографской летописи следующего характера, например: «... в град свой Ярославль, также и на Кострому», «... в той же день к вечеру те половцы отступиша от града» (Типографская летопись); ср.: «... в град свой Переяславль и оттуда к Ростову, та же и на Кострому»; «... в той день к вечеру те полки отступиша от града» (свод 1479 г.).

Повесть о нашествии Тохтамышя Ермолинской летописи восходит к общему источнику — «особой обработке свода 1448 г.», более полно отраженному в Московском своде 1479 г.³⁵ В ней также отсутствует обычное для пространной версии вступление со «знамением». Но текст повести Ермолинской летописи еще более сокращен и частично перефразирован. Опущены в нем и целые фрагменты. Так, в Ермолинской летописи нет описания настроений горожан после первого прихода татар под стены города, отсутствует и описание сцены разграбления татарами Москвы. Полностью опущены в Ермолинской летописи слова о былой славе города и сетования автора по поводу его разграбления. Среди дополнительных чтений повести в Ермолинской летописи следует отметить: «...бяху бо мнози от них на Дону избиты», «...еще бо граду тогда ниску сущу».³⁶ Аналогичный Ермолинской летописи текст Повести о нашествии Тохтамышя читается в «Летописце от 72-х язык» (Лихачевский список и своды 1497 и 1518 гг.)³⁷ и Львовской летописи.³⁸

³⁴ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921. См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 367; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 457—458; А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, с. 235 и след.

³⁵ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910. По мнению А. Н. Насонова, в основании Ермолинской летописи до начала XV в. и свода 1479 г. лежит свод 60-х гг. XV в. митрополитов Феодосия—Филиппа, который Ермолинская летопись сокращала (см.: А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в., с. 268—273); Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 156—169.

³⁶ О сюжетном повествовании в рассказе Ермолинской летописи см.: Я. С. Лурье. Беллетристические элементы..., с. 269.

³⁷ См.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 140. Издание сводов 1497 и 1518 г. см.: ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963.

³⁸ ПСРЛ, т. XX, первая половина. СПб., 1910. Сходство текста повести Львовской летописи с Ермолинской объясняется тем, что эти летописи имеют общий оригинал (см.: А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, 1904, кн. 1, с. 379, 423).

Сходство с Львовской летописью обнаруживает текст Повести о нашествии Тохтамыша Холмогорской летописи XVI в.,³⁹ но местами он передает текст повести Львовской летописи более сокращенно. В то же время он заключает в себе фрагмент «Неции же недобрии человеци... чающе только силы поганых» пространной повести, отсутствующий в повести Львовской летописи. Этот фрагмент мог появиться в повести Холмогорской летописи из Вологодско-Пермской, оказывавшей влияние на Холмогорскую летопись в пределах с 1397 по 1494—1499 гг.⁴⁰

Сокращенный текст Повести о нашествии Тохтамыша содержат в себе все три вида (Мазуринский (свод 1495 г.), Погодинский (свод 1493 г.) и Соловецкий) Сокращенного свода конца XV в.⁴¹ Текст повести во всех трех видах сходен. Пространный рассказ о нашествии Тохтамыша в них не только сокращен — изъяты описания настроений, царивших среди граждан Москвы, и сетований по поводу сожжения и разграбления города, опущены и многие другие подробности, рассказ еще и перефразирован. Так, например, вместо фразы СЛ «...и начаша думати такову думу великий князь Дмитрий Иванович со всеми князи русьскими, и обретесе разность в них, не хотяху помогати» в этих летописях читается: «...и бысть межю ими с братом расприя и иными князьями». Тема изменнических действий князя Олега Рязанского и князей суздальских сохранилась. Но сокращение текста повести привело к тому, что в рассматриваемых летописях митрополит Киприан остается в осажденном городе, в то время как в старших вариантах пространной повести он покидает Москву.

Текст Повести о нашествии Тохтамыша в Устюжском летописце⁴² напоминает ее текст в только что рассмотренных Сокращенных сводах. Это объясняется тем, что все эти летописи имели один общий источник.⁴³ Один из фрагментов Сокращенных сводов с описанием горя, переживаемого москвичами после захвата татарами города, опущен в рассказе этой летописи, но в большинстве случаев Устюжский летописец распространяет текст. Так, вместо чтения Сокращенных сводов «посла в болгары» в нем читается «посла в болгары во град Казань ко князем», вместо «а князя Остее в вратех убили» — «а князя Остее во Фроловских воротах убиша» и др. В Устюжском летописце сообщается, что митрополит Киприан «бежа на Ламски», что князь Семен Суздальский «снем с себе крест и целовал москвичем», что в Орду «со царем» ушли «князь Василий да князь Семен Суздальский», что князь Дмитрий Иванович «разгневался на князя Дьмитрея, на тестя своего на Константиновича». Но в рассказе Устюжского летописца проскальзывают иногда чтения и полных списков пространной повести: так, сообщается о взятии татарами Дмитрова, Юрьева Польского.

Текст Повести о нашествии Тохтамыша в Хронографе 1512 г. в своей основе близок тексту Сокращенных сводов и Устюжского летописца.⁴⁴

³⁹ ПСРЛ, т. XXXIII. Л., 1977. Холмогорская летопись в пределах с 1146 по 1390 г. сходствует с Львовской (см.: Я. С. Лурье. Холмогорская летопись. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 136).

⁴⁰ Я. С. Лурье. Холмогорская летопись, с. 136—137.

⁴¹ ПСРЛ, т. XXVII; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 170 и след.

⁴² Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.

⁴³ Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 193.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911. О зависимости Хронографа 1512 г. от Сокращенных сводов см.: Б. М. Кloss. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 246—255; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 70—71; О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 163—178.

С Сокращенными сводами его сближает известие о том, что у великого князя Дмитрия Ивановича была «распря с братьями» (в Сокращенных сводах «с братом распря»), с Устюжским летописцем — отсутствие фрагмента с описанием горя горожан в захваченной татарами Москве, упоминание слова «тесть» по отношению к князю Дмитрию Суздальскому, Царьграда (Киприан «наки поиде к Царюграду»; в Устюжском летописце «Киприян митрополит приде из Царяграда»). Но основные дополнительные чтения Устюжского летописца в Хронографе 1512 г. отсутствуют. К дополнительным чтениям повести Хронографа 1512 г. относятся слова, адресованные Василию и Семену Суздальским — «ими же прельсти сатана гражены, якоже змиею Евву» и произнесенная возвращающимися из Костромы великим князем фраза: «Боже, приидоша языци в достояние твое и разориша церкви твоа святыя и люди твоа изсекоша».

В Никоновской летописи⁴⁵ Повесть о нашествии Тохтамыша значительно сокращена. Так, в ней опущена характеристика, даваемая князю Олегу Рязанскому, отсутствует фрагмент о «доброхотах» земли Русской, изъяты некоторые подробности в описании действий граждан осажденного города, убраны все авторские отступления эмоционального характера. Из дополнительных чтений повести Никоновской летописи отметим: «...оскуде бо вся русская земля от Мамаева побоища за Доном и вси русстии людие в велице страхе и трепете быша за оскудение людей». Это чтение и еще ряд дополнительных чтений по отношению к полному тексту пространной повести содержит Повесть о нашествии Тохтамыша «Древнего летописца» (Остермановский том Лицевого свода),⁴⁶ восходящая к редакции СЛП и заключающая в себе также полный текст.

Повесть о нашествии Тохтамыша в Степенной книге занимает 8-ю и 9-ю главы двенадцатой степени.⁴⁷ Это сокращенный рассказ пространной версии, в нем опущены многие подробности; сведения об Олеге Рязанском отсутствуют полностью. Повесть в Степенной книге существенно отличается от остальных версий и представляет собой оригинальное повествование, использовавшее рассказ о воеводе Неграна — Арефе,⁴⁸ являвшийся источником также Сказания о Мамаевом побоище.

Своеобразный текст Повести о нашествии Тохтамыша содержится в Тверском сборнике под 1382 г.⁴⁹ Складывается впечатление, что в нем отразились обе версии повести — и краткая, и пространная (в сокращении): краткая типа Троицкой и пространная, идущая от Никоновской летописи (по спискам Акад. XIV Оболен., Акад. XV, Арх. II, Пуб. (Строг.), и Троицк. III) и еще какого-то текста пространной версии (возможно, связанной с Устюжским летописцем).⁵⁰ В повести Тверского сборника имеются и такие чтения: «...князь великий побежа на Кострому», «...татарове в вечернюю годину от града отступиша», «...пришел

⁴⁵ ПСРЛ, т. XI. М., 1965.

⁴⁶ Там же, с. 71—81.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XXI, вторая половина. СПб., 1913.

⁴⁸ См., например, ВМЧ, октябрь 24. СПб., 1880.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863. По утверждению А. Н. Насонова, источником части сборника, где находится повесть, послужила сокращенная редакция Тверского свода 50-х годов XV в. (А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930, № 9). Я. С. Лурье предполагает, что в основе Тверского сборника находился Тверской свод, доведенный до 6882 г., отредактированный в начале XV в. на основе свода 1408 г. (Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 49—50).

⁵⁰ В Тверском сборнике «князи Нижняго Новогорода» говорят: «Мы вам крестъ целуем». В Устюжском летописце: «Князь Семен Суздальский снем с себя крест и целова москвичем» (с. 62).

царь своего холопа показнити Дмитрея»,⁵¹ «...граждане сами град зажгоша», «...а в плен поведоша якы скот».⁵²

Итак, старейшие тексты пространной Повести о нашествии Тохтамыша, как мы установили, содержат Новгородская 4 и Софийская 1 летописи. Повесть в этих летописях по своему объему в несколько раз превосходит рассказ Троицкой летописи. Как отмечал уже Д. С. Лихачев, оба произведения являются не двумя самостоятельными повестями, а как бы одной повестью в двух редакциях.⁵³ Действительно, известия рассказа Троицкой летописи входят в пространную повесть Н4Л—С1Л целиком, вкрапливаясь в ее текст на всем протяжении, и составляют остов развертывающегося в ней повествования.

В отличие от краткого рассказа Троицкой—Симеоновской летописей пространная повесть, помещенная в Н4Л и С1Л также под 6890 (1382) г., имеет заглавие «О пленении и о приходе Тохтамыша царя и о Московском взятии»⁵⁴ и начинается с известия о знамении «на небеси», предшествовавшем нашествию Тохтамыша.⁵⁵ Следуя за кратким рассказом Троицкой—Симеоновской летописей, сообщающим о походе Тохтамыша «на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую», пространная повесть, однако, в начальной части добавляет, что Тохтамыш, идя на Русь, «ведяше же рать внезапу, из невести, умением тацемь же злохитриемь, не дающе вести преди себе, да не услышано будет на Руси устремление его». К словам краткого рассказа о приходе «вести» о набеге Тохтамыша на Москву пространная повесть делает пояснение: эту «весть» сообщили «неции доброхоты», «поборници суще земли Рустии», жившие «на приделех ордынских».⁵⁶ В отличие от краткого рассказа, где о князе Олеге Рязанском сказано лишь, что он «обведе царя около всей своей отчины», пространная повесть дает этому князю довольно выразительную характеристику: он «бил» царю «челом» и был ему «помощник на победу Руси», «споспешник на пакость крестьяном»; Олег рассказал Тохтамышу, «како пленити землю Рускую, како беструда взяти каменный град Москву, како победити и издобыти князя Дмитрия». Он «хотяше бо добра не нам, — подчеркивает автор пространной повести, — но своему княжению помагааше». В другом месте текста, еще раз повторив те же слова краткого рассказа о том, что князь Олег «обведе царя около своае отчины и земли», автор пространного рассказа добавляет: Олег еще «и указа» Тохтамышу «вся броды, суцаа на реце на Оке». Словами краткого рассказа автор пространной повести сообщает, что ве-

⁵¹ Ср. в Сказании о Мамаевом побоище: «...яко хошеши казнити свой улус, своего служебника, московского князя Дмитрия» (Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 46).

⁵² В некоторых летописях, например Летописце епископа Павла (БАН, собр. Доброхотова, № 18), Владимирском летописце (ПСРЛ, т. XXX), находятся лишь краткие записи о нашествии Тохтамыша.

⁵³ Д. С. Лихачев. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем...», с. 12.

⁵⁴ Текст здесь и далее приводится по Н4Л. В С1Л: «О Московском взятии от царя Тактамыша и о пленении земля Русская».

⁵⁵ В Троицкой—Симеоновской летописях точно такое же сообщение о знамении «на небеси», только в более кратком изложении, помещено под предшествующим 6889 (1381) г.; им завершаются известия этого года.

⁵⁶ Позволим себе не согласиться с теми исследователями повести, которые отождествляют «доброхотов» с «русскими купцами» (см. указанные выше работы С. К. Шамбинаго, М. Н. Тютубалина). Мнение Л. В. Черепнина и Я. С. Лурье о том, что в «доброхотах» следует видеть население, живущее «в пределах ордынских», но тяготившее к Руси, представляется нам единственно правильным.

ликий князь Дмитрий, узнав, что «идеть на него сам царь в множестве силы своеа... не ста на бой противу его и не подня руки на царя, но поеха в град свой на Кострому». Но это известие краткого рассказа в пространной повести получило следующее развитие: Дмитрий, согласно рассказу Н4Л и С1Л, не сразу отказывается от боя с Тохтамышем; он сначала начинает «сбирати вой и съвокупляти полки своа» и выезжает «из града Москвы, хотя ити противу тотар». Но совет с «князи», «с воеводами и з думцами и с велможами, и с боляри старейшими» показал «разность в князех», они «не хотяху пособляти друг другу», «не изволиша помогати брат брату», было «промежи ими неединачество по неимоверству». Оказавшись «в недомышлении велице», князь великий только тогда «убояся стати в лице самого царя». Отказавшись от встречи с Тохтамышем, князь, по свидетельству пространной повести, направляется сначала «в град свой Переяславль» и «оттуду, мимо Ростов... вборзе на Кострому». Оставшись одни, без великого князя, горожане «беху... смущени, яко овца, не имуще пастуха; гражаньстии людие възмятошася и въсколебашася, яко пьяни»; одни хотели остаться «в граде», другие «бежати помышляху». Только после описания этой «смуты» в городе и сообщив еще о прибытии в Москву литовского князя Остея, автор пространной повести переходит к рассказу о приходе Тохтамыша под стены Москвы.

В кратком рассказе Троицкой—Симеоновской летописей сказано лишь, что царь «прииде к граду Москве месяца августа в 23 день в понедельник». Пространная повесть повторяет эту фразу, но далее дает развернутый рассказ, где описывается и день, предшествующий приступу, когда татары «стоаху зряще на град» и выспрашивали у горожан о местонахождении великого князя, описывает в подробностях и самый приступ, длившийся три дня. Автор пространной повести сообщает и о настроениях, царивших в городе накануне осады, как одни «моляхуся» и к «смерти готовляхуся», а другие — «недобрии человери» «упивахуся... до пьяна» «и к шатанию дрьзость прилагаху»; рассказывает, как во время осады «граждане, стрегуще град, супротивишася» татарам.

В пространной повести в отличие от краткого рассказа подробно описывается взятие Москвы. По Троицкой—Симеоновской летописям, татарам удалось проникнуть «по лествицам» в город только после того, как они убили «пред спы града» Остея, «оболга» его «лживыми речми и миром лживым». Пространная повесть, повторяя это известие Троицкой летописи, далее развивает его в обширное повествование. В нем описывается, как татары и помогавшие им «князи Нижняго Новгорода» уговорили горожан открыть ворота. И «народи градстии веру яша словесем их, се помыслиша и прелестишася, ослепи бо их злоба тотарьская и омрачи их прелесть бессерменьская, ни познаша, ни помянуша глаголющаго: не всякому духу веруйте. Отвориша врата градная и выидоша с своим князем и с дари многими к царю, тако же архимандритове и игумены и попове с кресты, а по них боляре, болшии мужи и потом и черные люди. И в том часе начаша татарове сечи всех по ряду напрасно: прежде всех убьен бысть князь их Остей пред градом, и потом нача сечи попов и игуменов... и черных людий. И ту беаше видети святаы иконы поверженны и на земли лежаще, и кресты честныа без чести небрегома, ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Татарове же тако и поидоша в град секуще».

Пространная повесть в отличие от краткого рассказа дает описание «сечи» внутри Москвы: «...бысть внутрь града сеча велика..., сечаху, дондеже руце их и плещи их измолкоша, сила их изнеможе, сабли их не имуть, острия их притупишася». Везде стоял крик и «въплъ велик страшен бывааше, яко не слыша друг друга въпиюща, множеством народа

кричаще». Татары «крестьян изводяще из церкви, лупяще и, обнажаяще, сечаху».

Частично словами краткого рассказа, но более подробно пространная повесть сообщает о бедствиях, принесенных татарами городу. «Много множество» «паде трупиа Руси от татар избьенных», говорится в ней, «и многих мертвых лежаху телеса мужь и жен не покровены». Татары «убийство сдеяша» и «в церквах» и «в олтарех». Горожане одни «огня бежаще, мечемь умроша», а другие «меча бежаще, в огне изгореша»; некоторые погибли «в воде», многие «в пленение поведени быша». Разрушены были «многи церкви» и «многи монастыри». В церквах татары «олтаря... попраша», «кресты честныа и иконы честныа», украшенные «златом и серебром и жемчюгом и бисером и каменiem драгим», «одраша», «съсуды церковныа» «златокованныа и серебряныа многоценныа поимаше». Книги, которые были снесены «с всего града в зборных церквах», татары «все без вести створиша». Была разграблена великокняжеская казна, и все «велехвалное богатство и боготворное имение» в момент «разнесено бысть». Пострадали «казны» и «многих бояляр старейших», «долговременъством собираеми». Купцы, «яко суть богатии людье», оказались разорены: «добро разноличное», собранное в их «храминах», татары все «взяша и расхитиша». Автор пространной повести выражает свою скорбь по поводу сожжения Москвы, «града великого», «чюдного», «многочеловечного», «в едином часе» изменившего свой облик, восклицая: «Кто бо не възплачется таковыа погибели градныа? Кто не жалуеть толика народа людей? Кто не потужит о селище множестве крестьян? Кто не сетуеть сичеваго пленения и съкрушения?». Исключителен по своей эмоциональной выразительности «Плач церкви о чадах церковных».

В заключительной части пространной повести также содержится ряд фрагментов, отсутствующих в кратком рассказе. Так, например, сообщается о местопребывании во время осады и взятия города татарами великокняжеской семьи («на Костроме»), князя Владимира Серпуховского («на Волоке»), матери и жены Владимира («в Торжку»), Герасима, владыки Коломенского («в Новгороде»). Несколько более подчеркнута в повести роль Владимира Серпуховского: если в Троицкой летописи сказано лишь, что Владимир, стоя «близ Волока», «прогна их (*татар*) от себе», то пространная повесть сообщает, что князь «о бозе укрепився и ударил на них, ти тако милостию божиею овых убил, а иных живых поимал, а инии побегоша».

Как же соотносится краткий рассказ Троицкой—Симеоновской летописей о нашествии Тохтамыша с пространной повестью о том же событии в Н4Л и С1Л? Имеем ли мы основание говорить, что краткий рассказ свода 1408 г. не является сокращением отраженной в Н4Л и С1Л пространной повести, а был первичен по отношению к ней?

Краткий рассказ свода 1408 г. по сравнению с пространной повестью более строг в изложении, хотя назвать его чисто хроникальной записью о событии 1382 г. было бы неверно. Это уже в какой-то мере литературно обработанное произведение в «духе» киприановской традиции, с «плетением словес».⁵⁷ Как уже говорилось, он написан в манере ближайших

⁵⁷ В кратком рассказе свода 1408 г. оказалось дважды повторенным известие о взятии татарами Москвы: «...и тако взяша град месяца августа 26 день на память святого мученика Андреяна и Наталии в 7 час дни»; «...и тако въскоре взяша град» (ПСРЛ, т. XVIII, с. 132, 133). Возможно, что во втором случае это известие вошло в краткий рассказ вместе с художественно обработанным фрагментом, начинающимся словами «И быше в граде видети тогда плачь и рыдание, и вопль мног...» (см.: Я. С. Лурье. Беллетристические элементы..., с. 267), который попал, видимо, в свод 1408 г. при обработке документальной записи 1382 г.

к нему известий Троицкой летописи. Пространная повесть о нашествии Тохтамыша, включающая в себя фактические данные рассказа Троицкой летописи в тех же самых выражениях, представляет собой обширное повествование, изобилующее лирико-публицистическими отступлениями, осуждающее врагов, рисуящее яркие картины разграбления и сожжения татарами Москвы и предшествующей этому разгрому «смуты» в осажденном городе.

Для пространной повести характерна дублировка известий краткого рассказа. Так, автор ее фактически дважды сообщает о гибели литовского князя Остея. Один раз он говорит о гибели Остея (в отрывке, отсутствующем в своде 1408 г.), когда подробно описывает взятие татарами Москвы: жители, откликнувшись на предложение выйти навстречу татарам и поверив в добрые намерения татар, открыли ворота города «и выидоша с своим князем» Остеем «и с дари многими», и тут «убьен бысть князь их Остей пред градом».⁵⁸ Но в повести перед этим известием о расправе татар с Остеем упоминается еще раз — словами краткого рассказа и в одном с ним контексте: «Царь же стояв 3 дни, а на 4 день оболга князя Остеа лживыми речми и лживым миром, и вызва его вон из града, и уби его пред враты гряда, а ратем своим всем повеле отступить от града с вси стороны».⁵⁹ В данном фрагменте, совпадающем с отрывком краткого рассказа, приводятся те же самые факты, но в сжатом изложении. Этот фрагмент в пространной повести представляется уже лишним. Первоначальный текст произведения такой дублировки одного известия не должен был содержать. Эта дублировка может быть объяснена одним обстоятельством: краткий рассказ послужил источником для пространной повести, и, создавая развернутый рассказ о взятии татарами города, автор пространной повести не только оттолкнулся от известия краткого рассказа о том же событии, но и включил его в свое повествование.

В пространной повести дважды повторена фраза краткого рассказа о том, что князь Олег Рязанский «обведе царя около своей отчины». Такая дублировка может объясняться той же причиной — вторичностью пространной повести. Первый раз фраза об Олеге Рязанском использована в пространной повести в контексте краткого рассказа, правда, несколько расширенного в ней дополнительными сведениями об этом князе.⁶⁰

⁵⁸ Н4Л, с. 333.

⁵⁹ Н4Л, с. 332. В Симеоновской летописи: «Царь же стоя у города 3 дни, а на 4 день оболга Остея лживыми речми и миром лживым, и вызва его из города, и уби его пред спы града, а ратем своим всем повеле оступить град весь с все страны» (ПСРЛ, т. XVIII, с. 132).

⁶⁰ Симеоновская летопись: Василий и Семен, князья Суздальские, «гнаша в след его, и переехаша дорогу его на Серначе, и поидоша в след его, и постигоша его на Рязани. А князь великий Олег Рязанский обведе царя около всей своей отчины. И прииде вьскоре весть на Москву» (ПСРЛ, т. XVIII, с. 132). Н4Л, с. 327: «Они же... гнаша в след его неколико дний, переехаше дорогу его на месте, нарицаемом Серначе, и поидоша по дорозе его с тицанием, и постигоша его близ придел Рязаньския земли. А князь Олег Рязаньский сrete князя Тахтмышы преже, да иже не вниде в землю Рязаньскую, и бив ему челом, бысть ему помощник на победу Руси... еще же к тому обведе царя около всей своей отчины, Рязаньския земли, хотише бо добра не нам, но своему княжению помагаше. А в то время позде некако си едва прииде весть князю великому...». Эта фраза употреблена в Н4Л еще раз (с. 329): «Князь же Олег обведе царя около своеа отчины и земли и указа ему вся броды, суцаа на реце на Оке». Далее в пространной повести, согласно с кратким рассказом Троицкой—Симеоновской летописей, и следует сообщение о переходе Тохтамышем реки Оки: «Царь же перешед реку Оку...». Фраза на с. 329 Н4Л об Олеге Рязанском перекликается с текстом краткого рассказа Рогожского летописца: «А князь Олег Рязаньский обведе царя около всеа своей земли и указа ему вся броды на Оце» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, с. 143).

Второй же раз автор пространной повести счел, видимо, нужным повторить фразу об Олеге Рязанском, чтоб не потерять шить краткого рассказа, которому он следовал, так как между первым и вторым вариантом этой фразы он вставил большой отрывок текста с описанием появления в Москве «вести» от «доброхотов», обсуждения великим князем Дмитрием с князьями и боярами действий по отношению к татарам и «мятежа великого» в Москве.

Но помимо дублировок в пространной повести известий краткого рассказа свода 1408 г. (что говорит о ее вторичности), в пространной версии обращает на себя внимание то, как в ней представлены суздальские князья. Краткий рассказ свода 1408 г. о суздальских князьях сообщает следующее: 1) после того как князь Дмитрий Константинович Суздальский узнал, что Тохтамыш «пойде изгоном на великаго князя Дмитрия Ивановича», он послал «к царю два сына своя, князя Василиа, да князя Семена, и гнаша в след его, и переехаша дорогу его на Серначе, и поидоша в след его, и постигоша его на Рязани»; 2) отходя «от Рязани», Тохтамыш «отпусти посла своего посольством к князю Дмитрию Костянтиновичю, своего шурина, именем Шихмата, с его сыном вкупе, с князем Семеном, и другого сына его поят, князя Василиа, с собою в Орду».⁶¹ Те же сведения сообщает и пространная повесть по Н4Л и С1Л: 1) «Князь Дмитрий Костянтинович Суздальский посла к царю Тахтамышу 2 сына своа Василья да Семиона. Они же, пришедше, не обретоша его, беаше бо грядя борзо на крестьян, и гнаша в след его неколико дний, переехаше дорогу его на месте, нарицаемом Серьнаце, и поидоша по дорозе его с тцаниемъ, и постигоша его близ придел Рязаньския земли»; 2) царь, «идуше от Рязани» «отпусти посольством посла своего Шихмата, своего шурина, к князю Дмитрею Суздальскому, вкупе съ его сыном, с княземъ Семионом, а другого сына его, князя Василья, поят с собою в Орду».⁶²

Но помимо этих двух отрывков, повторяющих текст рассказа Троицкой летописи, в пространной повести есть еще один, в Троицкой летописи отсутствующий, где об этих же самых суздальских князьях рассказывается следующее: когда «на 4 день, в польובהда, по повелению цареву, приехаша татарове нарочити и болшии князи ординьские и рядци его» вместе с князьями Василием и Семеном, сыновьями Дмитрия Суздальского, к стенам Москвы и начали уговаривать горожан открыть им городские ворота и выйти «с дары» и с «своим князем» к царю, который, как они говорили, «не на вас воюа прииде, но на Дмитрея ратуя», «а вам даровати мир и любовь свою» хочет, то князья суздальские, названные здесь «князи Нижняго Новагорода», поддержали татар в этом заведомом обмане и сказали москвичам: «Имите веру намъ, мы есме ваши князи крестьяньстии, вам в том правду даем».⁶³

Суздальские князья Василий и Семен в пространной повести оказываются прямыми пособниками татар. Вместе с тем обращает на себя внимание следующее. Пособником татар является в повести и князь Олег Рязанский. Об этом прямо говорится в начале рассказа. И кончается пространная повесть, в согласии с кратким рассказом свода 1408 г., тем, что великий князь Дмитрий в наказание «посла свою рать на князя Олга Рязаньскаго. Олег же не в мнозе дружине едва утече, а землю его до останка взяша и пусту сътвориша: пущиши ему бысть и тотарьския рати».⁶⁴ Естественно было бы ожидать, что наказание постигнет и суздальских князей.

⁶¹ ПСРЛ, т. XVIII, с. 132, 133.

⁶² Н4Л, с. 327, 338.

⁶³ Н4Л, с. 333.

⁶⁴ Н4Л, с. 338—339.

Однако в пространной повести этого нет. Отсутствие расправы великого князя с суздальскими князьями в кратком рассказе свода 1408 г. понятно. Согласно ему, суздальские князья в военных действиях не участвовали, они просто явились к татарам. Безнаказанность же суздальских князей, в пространной повести явно действовавших на стороне татар, может быть объяснена одним обстоятельством: эпизод о суздальских князьях носил вставной характер. Следовательно, пространная повесть по отношению к краткому рассказу вторична.

Итак, на основании рассмотренных выше примеров, свидетельствующих о наличии в тексте пространной повести дублировок и явно вторичных по отношению к краткому рассказу свода 1408 г. чтений, можно с определенностью утверждать: краткий рассказ свода 1408 г. не является сокращением пространной Повести о нашествии Тохтамыша. Он первичен по отношению к ней и послужил основой для ее написания. Судьба Повести о нашествии Тохтамыша по своему происхождению оказалась сходной с «Летописной повестью» о Куликовской битве и «Словом о житии», также сложенных, как уже говорилось, на основе кратких записей свода 1408 г.⁶⁵

Как уже упоминалось выше, и «Летописная повесть» о Куликовской битве, и «Слово о житии» датируются нами концом 40-х гг. XV в., они были, видимо, сложены при составлении свода 1448 г. Эти произведения оказались связаны с событиями того времени, когда на Руси в обстановке непрерывных войн с Ордой и угрозами со стороны Литвы шла борьба за великокняжеский стол между Василием II и Дмитрием Шемякой. Эта междоусобная борьба князей ослабляла силы русских. Обратившись к событиям далеких лет и взяв в основу сюжета своих повествований краткие записи под 1380 и 1389 гг. свода 1408 г., составители «Летописной повести» и «Слова о житии», рассказывая о прошлом, подсаживали читателю аналогии между историческими деятелями конца XIV в. и своими современниками; произведения эти имели уже в замысле своем публицистическую направленность, выступая в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства.⁶⁶

Старшие тексты пространной Повести о нашествии Тохтамыша, как уже указывалось, дошли в Н4Л и С1Л, и, следовательно, пространная повесть должна была содержаться в своде 1448 г. Как и в случае с «Летописной повестью» и «Словом о житии», мы можем предполагать, что Повесть о нашествии Тохтамыша была сложена при составлении свода 1448 г., так как и в Московско-академическом списке Суздальской летописи — памятнике, восходившем к 20-м гг. XV в., и в западнорусских летописях, в основе которых находится свод, доведенный до 1446 г.,⁶⁷ ле-

⁶⁵ Помимо краткого рассказа 1382 г. свода 1408 г. пространная Повесть о нашествии Тохтамыша, подобно «Летописной повести» и «Слову о житии», использовала в качестве своих источников Библию (псалмы LXXVIII, 1—3 и LXXII, 63, 64) и, очень возможно, другой общий для этих повестей источник — «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов». На это указывают следующие чтения в Повести о нашествии Тохтамыша: «Плачется церкви о чадах церковных... яко матере о чадах плачущеся... О, чада церковнаа... нужную... смерть притрыпесте... Увы, мне... усечением меча умроша» (Н4Л, с. 336); ср. в «Слове на Рождество Христово о пришествии волхвов»: «Рахили плачущися чад своих... Увы мне, увy мне, избитаа наша чадца... не вемы видевши вашу злострасную смерть... инни... мечем просекаеми бывають...» (И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, с. 162—163).

⁶⁶ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве..., с. 372—376; 2) «Слово о житии...», с. 98—104.

⁶⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 3. Л., 1928, стб. 536—537; ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стб. 43; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 115.

жит лишь сокращенный текст краткого рассказа о нашествии 1382 г. свода 1408 г. Текстологическое изучение пространной Повести о нашествии Тохтамыша, позволяющее нам строить предположение о ее сложении в конце 40-х гг. XV в. при составлении свода 1448 г., подкрепляется и наблюдениями идеологическими.

Исследователи Повести о нашествии Тохтамыша пафос этого произведения обычно усматривают в патриотическом поведении горожан — защитников Москвы.⁶⁸ Нам представляется, что это не совсем так. Фактически автор повести не столько описывает действия горожан во время осады и взятия Москвы татарами, сколько рассказывает об ущербе, нанесенном завоевателями городу и сетует по поводу разорения и сожжения Москвы, ее церквей и монастырей, разграбления великокняжеской казны и казны «многих бояр старейших». Погибло огромное богатство огромного города. Но погибло богатство не только московское. «Опроче того елико сдеяша тотаре напасти и убытка Руси и княжению великому; елико сътвориша протора своим ратным пахождением!» — восклицает автор. «Колико градов поимаше и плениша, и колико злата и серебра и всякого товара взяша, а землю... пусту сътвориша... , колико волости повоеваша, колико огнем пожгоша, колико мечем посекоша, и елико в полон поведоша! И аще бы мощно было ти вси убытки и напасти и проторы исчитати, убо не смею рещи, — продолжает он, — мною, яко тысяща тысящ рублей не иметь числа».⁶⁹

Такое горестное, прискорбное событие, как взятие татарами Москвы, произошло, однако, не потому, что ее жители недостаточно стойко сражались. Автор повести всячески подчеркивает храбрость и геройство горожан, он даже особо выделяет подвиг некоего «гражданина москвитина сукольника, именем Адама», который «уязви» стрелой «единого тотарина, нарочита и славна».⁷⁰ Москва была разорена и сожжена — так рассказывает повесть — исключительно из-за «неодиначества» и «неимоверства» среди русских князей. Именно из-за того, что князя «не хотяху пособляти друг другу и не изволиша помагати брат брату», великому князю Дмитрию, который с самого начала «хотя ити противу татар», пришлось оставить Москву. В повести особо подчеркивается изменническое поведение князя Олега Рязанского и суздальско-нижегородских князей. Олег Рязанский, как уже говорилось, оказывается Тохтамышу «помощником» «на победу Руси» и «споспешником на пакость крестьяном». Это он бил «челом» Тохтамышу и сказал татарам, «како пленити землю Рускую». Это он указал Тохтамышу «вся броды, суцаа на реце на Оке». Поведение Олега Рязанского, нарисованное в Повести о нашествии Тохтамыша, напоминает его изображение в «Летописной повести» о Куликовской битве. Там князь Олег, находясь в «одиначестве» с татарами, всячески помогает им; хитростью за спиной великого князя Дмитрия посылает он к ним «свою силу». Автор «Летописной повести» называет Олега «врагом» и «изменником», раскалывающим русские силы. В Повести о нашествии Тохтамыша неверность Олега Рязанского показана еще четче: он говорит

⁶⁸ См., например: С. К. Шамбинаго. Исторические повести, с. 207—208; Б. Н. Путилов. Литература конца XIV—XV веков. Развитие исторических жанров и зарождение историко-бытовой повести. — В кн.: История русской литературы в трех томах, т. 1. М.—Л., 1958, с. 184—185.

⁶⁹ Н4Л, с. 338.

⁷⁰ «Граждане, стерегущие град», «народи градстии» — так называет защитников Москвы автор повести. Но его симпатии совершенно определены. Он безусловно не на стороне тех, кто «всташа вечем», кто, «ни самого митрополита постыдешася, ни бояр нарочитых не устрашишася», не пускал «хотящих изыти из града». Они, по его мнению, «недобрии человеци, людие крамолници» (Н4Л, с. 329). Автор сетует о разорении казны «бояр старейших», «благодущьством» наполняемых, он сожалеет, что разорились кущи, «яже суть богатии людье».

татарам, «како бес труда взяти каменный град Москву, како победити и издобыти князя Дмитрия».

Исследуя в свое время «Летописную повесть» о Куликовской битве и сопоставляя приводимые в ней факты с данными дошедших до нас документов конца 40-х гг. XV в. («Послание Российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу» 1447 г.), мы пришли к заключению, что Олег Рязанский этой повести в глазах современников должен был ассоциироваться с достаточно известной тогда на исторической арене личностью — Дмитрием Шемякой.⁷¹ Если это положение распространяется и на Олега Рязанского Повести о нашествии Тохтамыша, то складывается картина, подкрепляющая наши основанные на текстологических сопоставлениях выводы о том, что повесть эта была создана также в конце 40-х гг. XV в. «Послание Российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу» (Шемяке) сопоставимо и с Повестью о нашествии Тохтамыша; в нем находим следующую перекликающуюся с только что приведенной из повести фразу, обращенную к Шемяке: «...ты на него (великого князя) добываясь, а христианство православное до конца губя, ссылаешься с иноверци, с поганством...».⁷²

В Повести о нашествии Тохтамыша помимо изменнического поведения Олега Рязанского описываются такие же недостойные действия суздальско-нижегородских князей — сыновей Дмитрия Константиновича Суздальского и шуринов великого князя Дмитрия Донского: они помогли противникам великого князя московского, которые пришли «на Дмитрея ратуя». Однако, согласно летописным данным, Дмитрий Донской не был в столкновении с родными братьями своей жены Евдокии — дочери Дмитрия Суздальского, а в 1388 г. даже помогал им в походе против их дяди Бориса Нижегородского.⁷³ Между тем в истории Руси можно назвать такой отрезок времени, когда суздальские князья были кровно заинтересованы в ниспровержении московского великого князя. В 40-х гг. XV в. галицкий князь Дмитрий Шемяка стремится создать союз русских князей, которые поддерживали бы его в борьбе с Василием II. Такими союзниками явились для него кроме Ивана Можайского — суздальские князья. В целях восстановления давно утерянных прав на нижегородско-суздальское княжение суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи — правнуки Дмитрия Константиновича Суздальского идут на сговор с недругом московского великого князя Василия II — Дмитрием Шемякой. В конце 1445 (или начале 1446) г. эти князья заключают между собой договор, из которого следует, что если Шемяка станет великим князем московским, то суздальские князья получат в свое распоряжение земли нижегородско-суздальского княжества в тех пределах, в каких это княжество существовало в XIV в. при великом князе Дмитрии Суздаль-

⁷¹ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., с. 373—374. В «Летописной повести» Олег Рязанский обвиняется в том, что он не помог своим, что он хитрил, посылал к великому князю «весть лестную», говоря, что «Мамай идет... на мене и на тебе», а сам в это время помогал татарам. Он находился «в одиначестве» и с Литвой. Автор «Летописной повести» называет Олега «новым Святополком». В «Послании» Дмитрий Шемяка обвиняется в тех же проступках: когда великий князь Василий II с приходом татар в 1445 г. (и в 1439 г.) посылал к нему «послов своих до четирыдесяти, зовучи... к собе за христианство помогати», то он «ни сам к нему не поехал, ни воевод своих... не послал». «Послание» ставило в вину Шемяке то, что он «злохитрствует» на своего брата, «ссылается с иноверци, с поганством». «Послание», как и «Летописная повесть», приравнивает Дмитрия Шемяку к «окаянному Святополку» (АИ, т. 1. СПб., 1841, с. 77—79).

⁷² АИ, т. 1, с. 79.

⁷³ ПСРЛ, т. XVIII, с. 137.

ском.⁷⁴ Договор этот был заключен тогда, когда Василий II находился в плену,⁷⁵ и действительно могло случиться, что великим князем станет Дмитрий Шемяка.

Ситуация, представленная в Повести о Тохтамыше, когда суздальско-нижегородские князья действуют заодно с Олегом Рязанским в своем стремлении овладеть Москвой и сместить с престола великого князя Дмитрия, напоминает ту, которая на самом деле сложилась в середине 40-х гг. XV в., точнее, в конце 1445—начале 1446 гг., когда Дмитрий Шемяка готовился к захвату великого княжения, а суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи оказывали ему поддержку. Как это описано и в повести, в действительности в тот промежуток времени великого князя также не было в Москве, а Москва, как и в повести, стояла сожженной и разоренной: буквально через несколько дней после пленения в июле 1445 г. татарами Василия II сильный пожар уничтожил Москву. Как сообщает Софийская 1 летопись, «погоре град Москва кремль и выгоре весь. И не оставаша ни единого дресеси и камени, церкви разсыпашася и мнози человецы от огня скончашася, священницы и черноризци и сущии незлобивии младенци».⁷⁶

Итак, и на основании текстологического исследования Повести о нашествии Тохтамыша, и на основании изучения ее идейного содержания мы полагаем, что это произведение было написано в конце 40-х гг. XV в., и, по-видимому, так же как и «Летописная повесть» и «Слово о житии», создавалось для свода 1448 г. Как и в «Летописной повести» и в «Слове о житии», в Повести о нашествии Тохтамыша ощущается политический подтекст: в глазах современников суздальские князья Василий и Семен повести, видимо, ассоциировались с суздальскими князьями Василием и Федором — правнуками тестя Дмитрия Донского, а действовавший заодно с ними Олег Рязанский, как и в «Летописной повести», — с Дмитрием Шемякой.

Все три памятника летописного свода 1448 г. — «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», «Летописная повесть» о Куликовской битве и Повесть о нашествии Тохтамыша оказались близки между собой не только по своему происхождению, но и по своей идейной направленности. Отразить нападения врагов Русской земли, и в первую очередь татар, можно было только объединенными усилиями русских князей и только с прекращением междоусобных распрей. «Слово о житии» поэтому изображало великого князя Дмитрия Донского крепившим «князи руския в области своей», а «Летописная повесть» решительно осуждала раскольнические действия князя Олега Рязанского. Те же публицистические задачи стояли и перед автором Повести о нашествии Тохтамыша. Нарисованная им яркая картина разгрома и разграбления Москвы, опустошения и других городов Русской земли врагами должна была вызвать не только чувство сострадания у читателя-современника, но и обратить его внимание на причины, приведшие к этому бедствию, — «неодиначество» русских князей, братоубийственные распри между ними.

⁷⁴ СГГД, т. 1. М., 1813, с. 135—137 (№ 62).

⁷⁵ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948, с. 131.

⁷⁶ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 268.